

Прослушки в России: Опытная бригада монтажников посадит в тюрьму любого

Прослушки легко монтируются, затем «проверяются» конторой ФСБ, не имеющей ни адреса, ни регистрации. В суде у обвиняемого нет шансов.

На самом деле уголовное дело в России можно завести против любого человека на основании только рапорта оперативника и копии цифровых записей неизвестного происхождения – то есть «прослушек». Что особо актуально в рамках борьбы за передел собственности или подковерной политической войны. Мы опросили нескольких экспертов, чтобы разобраться в механизме подобных дел.

Принцип действия системы

Технические аспекты повседневной деятельности правоохранительной системы имеют, как оказывается, порой решающее значение. И вот - как это работает. В формате школьной задачи будет проще объяснить проблему. Итак, дано: Следователь Х. и Господин N - фигурант будущего уголовного дела, на которого поступил заказ: его требуется «закрыть». Цель - отъем бизнеса или отстранения от службы. Нужно доказать, что фигурант N совершил преступные действия (брал-предлагал взятку, например). Опустим мотивы, упростив это уравнение, и предположим, что оно всего с одним неизвестным. А именно – не известно – что именно свидетельствует о факте совершения преступления. На что опираться следствию в условиях отсутствия прямых доказательств?

Когда речь идет о делах с разнокалиберными экономическими интересами механизм заказных «посадок» часто работает практически по одному и тому же алгоритму. Удобным и простым поводом для возбуждения уголовных дел, о которых потом СМИ и адвокаты чаще всего говорят как о сфабрикованных служит - банальный рапорт оперативного сотрудника ФСБ. В нем дается описание неких признаков преступления, якобы подтверждаемых копиями цифровых аудио- и видеозаписей, «добытых», как указывается, в ходе оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Дальше можно вызывать потенциального фигуранта на допрос и «подводить» под обвинительное заключение.

По словам многих юристов и специалистов-экспертов, основная проблема как раз заключается в методах, применяемых в частности ФСБ и Следственным комитетом при работе с экспертизами аудио-видео записей.

В России, как показывает практика, есть немало уголовных дел, по которым ответ на ключевой вопрос: а было ли преступление или намерение его совершить, - следователи явно не собирались представлять в суд. Более того, как утверждают **наши эксперты**, иногда выяснить, было ли вообще добыты какие-то доказательства с помощью оперативно-розыскной деятельности, не представляется возможным. Доступ к оперативным материалам, «породившим» рапорт и указанные цифровые компьютерные файлы, наглухо закрывается по причине секретности. И суд довольствуется лишь предоставленными копиями компьютерных дисков и пространными оперативно-служебными документами, зачастую изобилующими ссылками на «неустановленных лиц».

Копии – не исходники, и вот как раз здесь и появляется потенциальная возможность для манипуляций со звуковыми файлами, монтажа в условиях современных технологий. Чтобы обнаружить подтасовки, дать обратный ход сомнительной экспертизе, провести исследования у независимых экспертов – для этого понадобятся дотошный судья, адвокат, потерпевший и, собственно, сами эксперты. Не трудно догадаться, какое звено постоянно провисает. Может ли тут вмешаться Генеральная прокуратура, как – надзорный орган? Теоретически – да. Но на практике подобных случаев не наблюдается.

Примеров того – как функционирует эта система немало и вот лишь некоторые громкие истории последних лет. Это процессы против несговорчивых бизнесменов («дело химиков», возбужденное в отношении Яны Яковлевой, директора группы компаний «Софэкс»), и представителей СМИ (история с распространением в сети видеороликов с изображением редактора журнала «Русский Newsweek Михаила Фишмана). Другая

категория таких дел – чиновники, перешедшие кому-либо дорогу. Достаточно вспомнить громкие аресты в Госнаркоконтроле - генерала Александра Бульбова, в Минфине России - замминистра Сергея Сторчака, в Счётной палате - директора правового департамента Зарины Фарниевой и прикомандированного к аппарату Счётной палаты полковника Минобороны Юрия Гайдукова. *(Подробности о сути дел и роли в них нужным образом приобщенных «прослушек» – в справке «Новой»).*

Экспертиза

Общее во всех этих делах, как рассказали «Новой» источники в российских правоохранительных органах, касается именно манипуляций с голосовыми, фонографическими экспертизами. Результат - в деле оказывались некие компьютерные диски с копиями цифровых записей неизвестного происхождения и рапорты оперативных сотрудников ФСБ о том, что это якобы переговоры фигурантов дела. Что важно: эти вещественные доказательства не подвергались тщательной проверке следователями на подлинность и достоверность. Иными словами выходит, что следователи центрального аппарата Следственного комитета при прокуратуре, ведущие упомянутые громкие дела, просто принимают на веру то, что им говорят опера. Оригиналы же всех цифровых аудиозаписей в делах, как правило, отсутствуют. Где они хранятся и существуют ли они вообще – государственная тайна. Опасность в том, уверяют наши эксперты, что в подобной ситуации может оказаться любой предприниматель, журналист, госчиновник, на которых поступил заказ.

Следователь, конечно, назначает фонографическую экспертизу. Но экспертиза по таким делам проводится чаще всего в недрах системы судебно-экспертных учреждений ФСБ, также полностью закрытых даже от органов государственной власти. В суд попадают только выводы экспертов – не раскрывается даже методика исследования.

Деятельность, например, Института криминалистики ФСБ, как выяснилось, подотчетна лишь самой этой организации и опирается почему-то только на положение приказа прежнего директора ФСБ Н. Патрушева, не зарегистрированного, как утверждают наши источники, в законном порядке в российском Минюсте. Что любопытно - копия указанного приказа № 60 от 31.01.2002 г., появившаяся на сайте ФСБ, имеет странные противоречия в тексте: в документе от 2002 г. ссылаются на Следственный комитет при прокуратуре России, созданный в 2007 г.! Данный приказ не был официально опубликован, а, следовательно, согласно российскому законодательству, не вступил в законную силу. То есть получается, что легитимность экспертных заключений Института криминалистики ФСБ РФ должна вызывать вопросы.

Как показывает практика, эксперты ФСБ при проведении исследования «обходятся» без информации об условиях и средствах звукозаписи представленных на экспертизу фонограмм. Но отсутствие таких данных как: вид звукозаписывающей аппаратуры, обстоятельства записи и перезаписи оригиналов фонограмм, условия хранения аудиозаписей, алгоритмы обработки в цифровых регистраторах, - не позволяет достоверно установить истинное происхождение фонограмм. Кроме того, в данном случае игнорируются основные международно-признанные методики исследования цифровых фонограмм.

Вообще у технических специалистов и экспертного сообщества (Подробности – в комментарии - прим. ред.) очень много вопросов к специалистам из ФСБ. Принципиально, что методики, по которым проводят фонографические судебные экспертизы сотрудники спецслужбы (т.е. анализ тех самых компьютерных дисков с копиями цифровых записей) не могут быть секретными в соответствии с российским законодательством и нормами международного права. Однако эти методики не опубликованы в открытой печати, а, например, измерения параметров голоса проводятся в нарушение федерального закона «Об обеспечении единства измерений» на не сертифицированном оборудовании.

И не стоит полагаться на принцип состязательности сторон в суде - вы вряд ли сможете потребовать проверить методы и результаты судебных экспертиз, проведенных в ФСБ, несмотря на закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». А то, что внутриведомственные методики исследований не обсуждены научным сообществом, что эфэбешные эксперты, предоставляющие нужные выводы по первому требованию, не выполняют положений, заявленных в методиках даже их собственного ведомства – это все ни суд, ни следствие не заботит.

«Прослушки»

Как именно может происходить фальсификация доказательств в уголовных делах, основанных на «прослушках»? Технология цифровой записи предполагает, что отличить исходную запись (оригинальную) от смонтированной (обработанной копии) порой весьма затруднительно.

Признанный эксперт в области фонологической экспертизы Елена Галяшина полагает, что «развитие современных технических средств звукозаписи значительно упростило производство электроакустического монтажа за счет применения различных специальных монтажных устройств, а также выборочной перезаписи на другой носитель. Современные технологии позволяют проводить редактирование и монтаж фонограммы практически с любой необходимой степенью точности, фактически не оставляя следов монтажных переходов. При этом использование перезаписи смонтированной фонограммы на другой носитель позволяет почти полностью маскировать следы монтажа, так что эксперты при помощи не сертифицированного оборудования не в состоянии их выявить*».

Колоссальные возможности для фальсификации доказательств открываются при использовании цифровых записей на внешний носитель переговоров по сетям сотовой связи – GSM (глобальный цифровой стандарт для мобильной сотовой связи – прим.ред). Использование таких фонограмм в уголовном судопроизводстве в качестве вещественных доказательств во всём цивилизованном мире является предметом особого внимания экспертов, следователей, прокуроров и судей, поскольку фонетические признаки в них объективно существенно искажаются.

То есть, грубо говоря, можно сделать так, что разные фразы, сказанные вами по мобильнику в разное время, будут смонтированы в любой последовательности. Или вообще – сказанное не вами припишут вам.

В каждом конкретном случае независимые эксперты обязаны устанавливать, особенности каждой цифровой фонограммы, степень линейных и нелинейных искажений речевого сигнала (понятие «линейный» относится например к монтажу в реальном времени, «нелинейный», если говорить о видеомонтаже, предполагает преобразование исходных фрагментов в цифровую форму для записи в нужной последовательности и нужном формате на выбранный носитель – прим. ред).

Автор «экспертного исследования Формата GSM» И. Иванов констатирует: «Если кто-либо выполняет монтаж новой фонограммы на основе одной или нескольких фонограмм переговоров абонентов, ведущих разговоры по сотовой телефонной сети GSM, то при размещении монтажных переходов в паузах между репликами разговора обнаружение таких точек монтажного перехода является сложной экспертной задачей, требующей особых методов исследования. Причем выполнить такой монтаж несложно, как с помощью компьютерных комплексов цифрового монтажа фонограмм, так и с помощью современных высококачественных аналоговых магнитофонов, применяя режим временной остановки записи».

Технические подробности, без которых в этом исследовании не обойтись, возможно, большинству могут показаться скучными. Однако именно они дают представление о том насколько расширены у частных и государственных служб безопасности возможности для работы со звуковыми доказательствами.

Итак, разговоры по мобильным или обычным телефонам перехватываются правоохранительными органами и записываются на многоканальные цифровые регистраторы. В дальнейшем цифровые файлы с них копируются на внешний носитель - CD диски.

Обработка речи в стандарте GSM по данным специалистов** имеет свою специфику. Для этого операторами связи используется так называемая система прерывистой передачи речи DTX (Discontinuous Transmission). Эта система управляет детектором активности речи VAD (Voice Activity Detector), который правильно работает с речевыми потоками, тонами и шумами, она же включает передатчик только тогда, когда пользователь начинает говорить и отключает его в паузах и в конце разговора.

В этой технологии используется так называемая «постфильтрация» - заглаживание особым фильтром всех дефектов восстановленного, синтезируемого речевого сигнала, то есть ваша речь в телефоне - уже автоматически смонтированный материал. И здесь места звуковых стыков (монтажных переходов между речевым сигналом) и синтезируемый шум выравниваются, микшируются. Именно по этому весьма затруднительно выявить: особенности произношения говорящего, акустическое окружение в момент разговора, а также произвести лингвистический анализ фонетических признаков речи.

Так что технически обусловлено: каждая фонограмма в GSM канале (телефонный разговор двух абонентов, беседа, зафиксированная иным способом- на диктофон или спецтехнику) является собранной из цифровых реплик абонентов, между которыми производится вставка искусственного сигнала (специалисты его называют «комфортным шумом»). То есть, если кому-то захочется исказить значимые участки «прослушки», то он вполне может попытаться осуществить это незаметно для экспертов, поскольку после многократных сжатий и преобразований в звуковом сигнале мобильной связи в принципе не может остаться никаких следов монтажа. И самое главное – по каналу связи передается не сама речь, а некий набор кодов и символов по которым на

конечном аппарате восстанавливается (синтезируется) сигнал, похожий на исходный, но который не является исходным сигналом.

Специфика речевого сигнала переговоров с использованием сети GSM вводит новые проблемы при обнаружении следов монтажа фонограмм. Прежде всего, потому что такой речевой сигнал на выходе процедуры кодирования/декодирования всегда имеет участки разрыва в паузах между репликами абонентов.

Как мы помним, на участках речевых пауз по природе цифрового кодирования по алгоритму GSM имеется не реальный звуковой сигнал, а искусственный сигнал «комфортного шума». Отличить участки, вставленные самим алгоритмом кодирования GSM при передаче от искусственно вставленных в процессе монтажа фонограммы участков шума вместе с последующими репликами довольно трудно. Признаки, по которым эксперты обычно выявляют следы монтажа фонограмм (щелчки, скачки уровня и частотного диапазона шумов, импульсы включения/выключения аппаратуры записи) в этом случае отсутствуют.

Общим для всех цифровых регистраторов является то, что цифровой сигнал в них подвергается интенсивному кодированию (компрессии) с удалением очередной порции криминалистически значимой информации о речи абонента.

Таким образом, при отсутствии исчерпывающих сведений о механизме слепообразования звуковых фонограмм, на которых строятся рапорты оперативников и следствие, вообще невозможно говорить о беспристрастном исследовании того, что подшивается к делам в виде цифровых дисков. Но, повторимся, о проверке достоверности «прослушек» следователи не беспокоятся, а эксперты из спецслужб не понятно на каком оборудовании, не понятно по какой методике делают выводы, которые потом безоговорочно принимает суд.

Есть ли выходы

Итак, адекватное исследование исходного воспроизводимого аудиоматериала и границ допустимости его искажений в формате GSM-канале - основное условие для качественной экспертизы. Есть ли пути, по которым следует двигаться тем, кто принципиально заинтересован в чистых экспертных выводах? Специалисты настаивают, что шансы есть.

Для того чтобы оценить, какой компрессии подвергся оцифрованный сигнал, поступивший на экспертизу, необходимо знать:

1. Тип и марку мобильного телефона, используемого при разговорах,
2. В какой сети GSM разговоры происходили
3. Какой кодек (это алгоритм кодирования звукового сигнала – прим. ред.) использовался в конкретном мобильном телефоне и какова скорость передачи речевого сигнала.
4. Тип многоканального регистратора, его основные параметры работы, вид и параметры сжатия сигнала,
5. Условия копирования информации с регистратора на компакт-диск.

Без этих данных эксперт не сможет провести полное и всестороннее исследование речевого сигнала на фонограмме, не сможет оценить пригодность фонограмм для идентификационного исследования. В этом случае говорить о выявлении признаков монтажа вообще не приходится.

Часто добиться от следователей или надзорных инстанций помощи в проверке экспертиз не представляется возможным. Почти фантастика – убедить судей удовлетворить ходатайство о проведение повторной независимой экспертизы (в структурах Минюста или МВД), если в деле уже есть экспертиза ФСБ. Судьи, как правило, не хотят ссориться с Лубянкой. Напомним, что в «шпионских» делах российских ученых (Оскара Кайбышева, Андрея Решетина и других), инициированных ФСБ, принимались на веру именно заключения «проверенных» экспертов, аффилированных со спецслужбами, но не экспертизы пусть и именитых, но независимых академиков РАН.

В этой связи возникает вопрос: а сколько громких дел, основанных на прослушках, вообще имеют под собой доказательную базу и не являются сфальсифицированными?

** Галяшина Е.И. Магнитная фонограмма как вещественное доказательство // Материалы конференции "Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России": - М.: изд.*

МВД РФ, - М.:1994. Галяшина Е.И.; *Возможности видео фоноскопической экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник МВД РФ, - М.: изд. МВД РФ, с. 67, 1994.*

*** Е.И. Галяшина, В.Н. Галяшин, Цифровые фонограммы как судебное доказательство, Воронежские криминалистические чтения, - Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, № 8, 2007, с. 71.*

Справка «Новой»

Цифровые аудиозаписи разговоров все чаще используются как способ «устранения» конкурента в войне кланов за административный ресурс, рейдерских захватах, подковерных играх чиновников и спецслужб

«Дело Довгия»

Основные фигуранты: бывший начальник Главного следственного управления СКП Дмитрий Довгий и бывший следователь Главной военной прокуратуры Андрей Сагура.

Что инкриминировалось: получение взятки

Схема развития дела:

1. В марте 2008 года следователь СКП Зигмунд Ложис, до этого настоявший на передаче дела в отношении некоего питерского предпринимателя Ильи Клигмана из Санкт-Петербурга в Москву, отправил рапорт в администрацию президента о том, что якобы Довгий намеревается получить взятку. Вместе с Ложисом похожий рапорт отправил следователь Сергей Чернышев – но уже о другой взятке.
2. Через несколько месяцев из уголовного дела в отношении питерского предпринимателя Ильи Клигмана в отдельное производство выделяются материалы о якобы имевшем место намерении бизнесмена дать взятку кому-то из руководства СКП. Начинаются следственные действия.
4. 15 июля 2008 года задержан некий бизнесмен Руслан Валитов, владелец «Инвестсоцбанка». На шестые сутки пребывания в камере он «вспоминает», что годом ранее якобы давал взятку Дмитрию Довгию, став таким образом третьим по счету «взятодателем» при условии, что первые два эпизода «дачи взятки» не подтвердились.
5. В августе 2008 года возбуждается уголовное дело по статье «пособничество в получении взятки должностным лицом». «Пособником», согласно фабуле обвинения, является Андрей Сагура, которому якобы Руслан Валитов и передавал деньги. Довгий осужден на девять лет колонии строгого режима.

Роль «прослушки»: Согласно фабуле обвинения, Андрей Сагура организовал несколько встреч между Русланом Валитовым и Дмитрием Довгием. Записи разговоров этих встреч считаются основной доказательной базой по делу.

«Дело Бульбова»

Основные фигуранты: бывший начальник департамента оперативного обеспечения Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Александр Бульбов, его супруга Галина Бульбова, заместитель начальника Управления собственной безопасности ФСКН Юрий Гевал, заместитель начальника управления специальных технических мероприятий ГУВД Москвы Михаил Яныкин, бывший заместитель начальника МУРа Николай Орлов, наркополицейский Сергей Донченко

Что инкриминировалось: незаконное прослушивание телефонов граждан и организаций, дача и получение взяток, злоупотребление должностными полномочиями, разглашение гостайны.

Схема развития дела:

Уголовное дело возбуждено осенью 2007 года, 5 октября суд санкционировал арест Александра Бульбова. В сентябре 2008 года из обвинения по этому делу исчез Михаил Яныкин, который, согласно фабуле обвинителей, организовывал по заданию Бульбова «прослушки». Количество людей, которых якобы прослушивали по «заказу» Бульбова, сократилось с 52 до 10. После 25 месяцев предварительного заключения в СИЗО «Лефортово» Бульбов освобожден под подписку о невыезде.

Роль «прослушки»: Бульбов в 2006-2007 годах, работая в ФСКН, вел оперативное сопровождение громкого

дела о контрабанде мебели через магазины «Три кита». По делу «прослушивались» многие высокопоставленные чиновники, соответственно, эти аудиофайлы и могут стать доказательствами в деле.

«Дело Гайдукова»

Основные фигуранты: бывший офицер управления бронетанковых войск Минобороны РФ, прикомандированный к аппарату Счетной палаты РФ, полковник Юрий Гайдуков, экс-директор правового департамента Счетной палаты РФ Зарина Фарниева, руководитель федерального консультационного бюро «Лорд Энтерпрайзиз» Николай Серых, предприниматель Алан Гогичев

Что инкриминировалось: получение крупной взятки и мошенничество

Схема развития дела:

Три года назад Юрий Гайдуков руководил проверкой расходования бюджетных средств ОАО НПО «Энергомаш», и в сентябре 2007 года был задержан и помещен в СИЗО «Лефортово». Между тем, инкриминируемую взятку непосредственно не получал – с помеченными спецсоставом купюрами был задержан Николай Серых. В ноябре 2009 года Юрия Гайдукова выпустили под залог. Еще ранее по тем же основаниям были отпущены остальные фигуранты дела.

Роль «прослушки»: Оперативное сопровождение уголовного дела в отношении Юрия Гайдукова проводило Управление «К» ФСБ. По словам задействованных в деле специалистов, доказательная база по нему строится в основном на аудиозаписях переговоров во время встреч и по телефону.

«Дело Сторчак»

Основные фигуранты: заместитель министра финансов РФ Сергей Сторчак, председатель совета директоров «Межрегионального инвестиционного банка» Вадим Волков, руководитель компании «Содэксим» Виктор Захаров, президент ЗАО «ВО Внешторгбизнес» Игорь Кругляков

Что инкриминировалось: хищение, мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями

Схема развития дела:

16 ноября 2007 года Сергей Сторчак был арестован по подозрению в намерении похитить государственные средства и помещен в СИЗО «Лефортово». 21 октября 2008 года Сергей Сторчак отпущен под подписку о невыезде. В апреле 2009 года ему предъявлено обвинение в окончательной редакции. В настоящий момент следствие по делу продлено до 13 августа.

Роль «прослушки»: Соответствующее управление ФСБ поставило Сергея Сторчак и всю его семью на прослушивание за несколько месяцев до ареста. На сегодняшний день обществу пока не сообщалось об иных значимых доказательствах по делу.

«Дело Ходорковского-Лебедева»

Основные фигуранты: экс-глава компании «ЮКОС» Михаил Ходорковский, бывший председатель совета директоров МФО Менатеп Платон Лебедев, сотрудники различных структур и подразделений, входивших в группу «ЮКОС»

Что инкриминировалось: хищение всей нефти, добытой «ЮКОСом» в период 1998-2003 годов, а также ряд обвинений, связанных с вопросами приватизации, обмена акций, налогами и т.п.

Схема развития дела:

В марте 2009 года в Хамовническом суде начался процесс уже по второму делу, который продолжается до настоящего времени.

Роль «прослушки»: На 57-ой день заседаний суда прокуроры стали демонстрировать протоколы телефонных переговоров между начальником правового управления «ЮКОСа» Дмитрием Гололобовым и его заместителем Светланой Бахминой. «Прослушки» этих переговоров проводились ФСБ в октябре-ноябре 2004 года (то есть уже после ареста Ходорковского и Лебедева). Были озвучены расшифровки только двух из трех дисков, которые числились в протоколе, но и они, по словам подсудимых, были лишь усеченными версиями. Михаил Ходорковский заявил, что в ходе подготовки к делу ознакомился с аудиозаписями и их расшифровками

и обнаружил разительные различия между ними, в связи с чем потребовал предоставить сами диски. Было заявлено ходатайство о предоставлении в суд аудиозаписей телефонных переговоров. Когда на 115-й день заседаний вернулись к обсуждению вопроса о дисках, выяснилось, что они до сих пор не представлены, несмотря на то, что запросы о дисках поддержал судья.

Дело «Три кита»

Основные фигуранты: генеральный директор ООО «Альянс-95», владелец мебельных торговых центров «Гранд» и «Три кита» Сергей Зуев и другие

Что инкриминировалось: контрабанда мебели

Схема развития дела:

Уголовным делом занимался Следственный комитет при МВД. Следственную группу возглавлял Павел Зайцев. 22 ноября 2000 года следователь из его группы допросил свидетеля, который, по словам Зайцева, «дал показания (и они отражены в протоколе допроса) о том, что противодействие расследованию уголовного дела о контрабанде мебели, поступающей в адрес «Трех китов» и «Гранда», пытался оказать некий Жуков — офицер центрального аппарата ФСБ РФ, ...помощник руководителя Департамента экономической безопасности ФСБ». Спустя несколько часов из Генпрокуратуры РФ в СК МВД приехал прокурор с требованием забрать дело. После этого в Генеральной прокуратуре РФ возбудили уголовное дело уже против следователя Павла Зайцева.

В рамках дела против Зайцева Генеральная прокуратура РФ направила первому замначальника Управления «М» Департамента экономической безопасности ФСБ России полковнику Купряшину письмо № 18/191748-00 от 05.02.2001 с просьбой «выделить оперативных сотрудников для производства следственных действий, производства выемки дел оперативного учета, других секретных материалов в УБЭП ГУВД Московской области». В указанном месте хранилось дело оперативного учета с материалами «прослушки». Спустя три месяца изъятые у Зайцева дело «Три кита» было прекращено Генпрокуратурой РФ за отсутствием состава преступления. Только в 2006 году — после отставки генерального прокурора Владимира Устинова — Сергей Зуев и другие фигуранты были арестованы. 1 апреля 2010 года суд приговорил Сергея Зуева к восьми годам лишения свободы.

Роль «прослушки»: В протоколе прослушивания телефонных разговоров за ноябрь 2000 года, которые осуществлялись в рамках дела «Три кита» и были санкционированы Мосгорсудом, сказано, что одному из фигурантов дела Сергею Зуеву даже устраивали (или собирались устроить) встречу с Владимиром Путиным. Кроме этого, следователь Виктор Цымбал, рассказывая «Новой газете» о содержании «прослушек», сообщил о зафиксированных переговорах фигурантов дела «Три кита», в которых говорилось, «что ими проплачены деньги, указывались Генеральная прокуратура, суммы в пределах 2 млн американских долларов».

По материалам отдела расследований «Новой газеты»

Комментарии

Ольга Натапова, адвокат:

«Публичность методик — это единственный способ защиты прав и основных свобод человека при производстве судебных экспертиз!»

Адвокат Ольга Натапова комментирует ситуацию, в которой находится сегодня экспертная работа с цифровыми доказательствами в России

— Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время ни одно из уголовных дел, связанных с расследованием, например, признаков коррупции, не обходится без исследования в составе доказательств аудио- и немного реже видеозаписей. Большинство уголовных дел начинаются с заявления о вымогательстве взятки и передачей в правоохранительные органы цифровых фонограмм, сделанных «любительским» способом. Проблема усугубляется также тем, что после записи телефонных и иных переговоров, в дальнейшем в уголовном процессе данные аудиозаписи чаще всего вообще не подвергаются судебной экспертизе! И это устоявшаяся практика.

Прослушивание и запись переговоров частных лиц органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, путем использования любых средств коммуникации без решения суда представляет

наибольшую проблему с точки зрения соблюдения конституционных и международно-признанных принципов неприкосновенности частной жизни. Эта область оперативно-розыскной деятельности традиционно в большинстве развитых стран мира является сферой судебного контроля. Однако, в российском законодательстве существует серьезный пробел в регулировании данной деятельности. Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности предусматривает только проведение оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» по решению суда, но не предусматривает проведение такого оперативно-розыскного мероприятия как «прослушивание иных переговоров». Однако «иные переговоры» интенсивно прослушиваются и записываются.

Данная ситуация не отвечает общепризнанным принципам и нормам международного права в области защиты прав человека и основных свобод. При этом в марте 2009 года состоялось прецедентное решение Европейского суда по правам человека по делу «Быков против России», в котором делается вывод о несоответствии норм российского закона об оперативно-розыскной деятельности европейским стандартам в области защиты прав человека и основных свобод. Отмечалось отсутствие в российском законодательстве конкретных норм, гарантирующих защиту от произвольного вмешательства в права граждан.

Государственная судебно-экспертная деятельность в России не способствует эффективной защите и восстановлению прав граждан.

Судебно-экспертная база не успевает за развитием техники и развитием передовых международных стандартов доказывания по наиболее опасным преступлениям. Любопытно, что передовые стандарты работы с цифровыми доказательствами, которыми руководствуется практически всё мировое сообщество кроме нас, были разработаны по инициативе Президента России и утверждены на саммите Большой Восьмерки 14-17 мая 1999 г. в Бирмингеме. В дальнейшем созданная под эгидой подкомитета G8 по противодействию преступлениям в сфере высоких технологий Международная организация по цифровым доказательствам реализовала эти принципы в методиках и инструкциях для судебных экспертов цифровых доказательств.

В настоящее время Международной организацией по компьютерным доказательствам (IOCE) приняты шесть принципов, которыми надлежит руководствоваться при поиске, обнаружении, фиксации, изъятии, исследовании и хранении цифровых доказательств:

При работе с цифровым доказательством должны быть соблюдены все общие судебно-экспертные и процессуальные положения.

При изъятии цифровых доказательств производимые действия не должны изменять цифровое доказательство.

Если лицу необходимо получить доступ к оригинальному цифровому доказательству, лицо должно иметь соответствующую подготовку.

Вся деятельность по изъятию, доступу, хранению или передаче цифровых доказательств должна быть полностью задокументирована, защищена и доступна для анализа).

Лицо несет ответственность за то, что будет бережно производить все действия с цифровым доказательством, пока цифровое доказательство находится в его распоряжении.

Любая организация, которая отвечает за изъятие, доступ, хранение или передачу цифровых доказательств отвечает за соответствие данным принципам.

А пока у нас следователю предоставляются не заверенные копии фонограмм, полученных при «прослушке» без решения суда, да ещё и на перезаписываемых компакт дисках, не защищенных от внесения изменений. Следователь может провести осмотр этих фонограмм на компьютере с помощью не проигрывателя, а программного звукового редактора, например, «горячо» любимого в СКП Sony Sound Forge 8! Примечательно, что Forge в переводе с английского имеет одним из значений – подделка! При этом государственные судебные эксперты могут «щегольнуть» сразу выводами без приведения описания исследования и указания применённых методик, дающих возможность проверить их обоснованность и достоверность на основе общепризнанных научных и практических данных.

Общая проблема – применяемые для судебной экспертизы технические средства.

В целях идентификации участников переговоров все измерения параметров голоса на оперативных аудио- и видеозаписях должны проводиться в соответствии с федеральным законом «Об обеспечении единства

измерений» на сертифицированном оборудовании для исследований акустических параметров речевых сигналов. Государственный метрологический контроль и надзор, согласно ст. 13. Закона РФ «Об обеспечении единства измерений» распространяется на измерения, проводимые по поручению судов, прокуратуры, государственных органов управления РФ. Решение об отнесении конкретного технического устройства к средствам измерений и об установлении интервалов между поверками принимает Госстандарт России. Этим же ведомством определяется и порядок разработки и аттестации методик выполнения измерений.

Сличить результаты измерений, получаемых с помощью разных измерительных процедур возможно только в том случае, если для каждой из этих методик известны характеристики полной погрешности измерений. Этого требует ст. 8 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Она гласит об обязательном обеспечении возможности участникам процесса проверки достоверности сделанных экспертом выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Достоверность результатов экспертизы напрямую зависит от достоверности проведенных экспертом объективных измерений параметров исследуемых объектов.

Метрологическая аттестация согласно закону не может быть подменена ссылками на отчеты, учебники или справочники, необходимо иметь документ, подписанный официальным должностным лицом, где указаны все составляющие.

Проведение основных мероприятий по метрологическому обеспечению непосредственно влияет на достоверность результатов измерений и как следствие на достоверность выводов эксперта.

Сегодня в числе экспертных технических средств экспертами, например, всех государственных судебно-экспертных учреждений, за исключением входящих в систему Минюста России, прежде всего Институте криминалистики ФСБ России, ЭКЦ МВД

России применяются компьютеризированные речевые лаборатории CSL модель 4500 фирмы KAY Elemetrics Corp. (США). Вообще-то эта фирма специализируется на производстве медицинского оборудования, которое применяется преимущественно для исследования речевой патологии и рассчитано на исследование не зашумлённых акустических сигналов. Однако у нас на этой лаборатории эксперты определяют физические величины и технические параметры фонограмм: частотный диапазон речевых сигналов, длительность, интегральные параметры акустических сигналов и решают по большому счёту вопрос о виновности или о не виновности людей. Упомянутая выше речевая лаборатория CSL модель 4500 фактически, как говорят эксперты, средством измерения не является, не включена в государственный реестр средств измерений, для нее не определена суммарная погрешность измерений, включая методическую, инструментальную и иные. Это значит, что право подозреваемых и обвиняемых на защиту от отрицательных последствий недостоверных измерений при проведении фонографических экспертиз в Институте криминалистики ФСБ или фоноскопических в ЭКЦ МВД России нарушается.

Провести такие исследования объективно, на строго научной и практической основе, без высокоточных измерений значений физических величин со всей очевидностью невозможно. Именно потому ранее для выполнения этого условия для МВД закупились и надлежащим образом сертифицировались Госстандартом специализированные измерительные приборы например фирмы Hewlett-Packard. Это цифровые осциллографы (для проведения измерений во временной области) и спектроанализаторы (измерения сигнала в частотной области). По этой же причине в государственных судебно-экспертных учреждениях, входящих, например, в систему Минюста, ФСКН и других., для первичного измерения параметров электрических сигналов в звуковом диапазоне частот применяется компьютерная речевая лаборатория «Икар Лаб», разработанная в Санкт-Петербурге. В состав данного оборудования входит единственное сертифицированное устройство ввода/вывода сигналов в расширенном звуковом диапазоне, применение которого в судебной акустике позволило бы повысить, по мнению независимых специалистов, надежность и обоснованность выводов экспертов. Необходимость разработки подобного устройства обусловлена отсутствием на российском рынке сертифицированных измерительных звуковых комплексов.

На примере громких дел можно увидеть как печально обстоят дела в России и судебной экспертизой цифровых доказательств. Показательно дело «Мирилашвили против России», решение по которому состоялось в декабре 2008 года. Это резонансный процесс в России в отношении крупного бизнесмена. Только в ходе судебного процесса в России были проведены три (!) судебные фоноскопические экспертизы. А результаты первой из них вызывают иронические оценки у наших европейских коллег. Кстати успехом в Страсбурге Мирилашвили обязан во многом тем обстоятельством, что его интересы представлял опытный французский адвокат, а не наш соотечественник. Дело в том, что тогда нашим экспертом оказалось «по

плечу» провести идентификацию говорящего на грузинском языке фигуранта дела, по образцу голоса взятом ... на русском языке!

За рубежом, в частности в ЕС для достижения равенства сторон в уголовном судопроизводстве по инициативе Еврокомиссии выделяется значительное финансирование Европейской ассоциации адвокатов по уголовным делам для создания собственной сети судебных экспертов. Коллегии из ЕС видят в этом ключ к успеху в борьбе с преступностью. У нас же в ходу другие методы! Существующая ситуация позволяет быстро подтянуть статистику по раскрытию! Без государственной реформы судебно-экспертной деятельности ситуация не изменится, а решения Европейского суда, восстанавливающие нарушенное право на справедливое судебное разбирательство в связи с «ошибками» судебных экспертов будут единичными.

Методики судебных экспертиз в мировой практике – это основная гарантия соблюдения базовых прав и основных свобод, предусмотренных в демократическом обществе. Их задача - обеспечить возможность для любого участника уголовного процесса проверить достоверность и обоснованность сделанных экспертом выводов на основе общепринятых научных и практических данных. В этой связи публичность методик – это единственный способ защиты прав и основных свобод человека при производстве судебных экспертиз!

В России как часто бывает – свои системные особенности. Вне контекста международных общепринятых стандартов.

Эксперты Института криминалистики охотно цитируют ГОСТ 1991 года, в котором дается существовавшее в то время понятие монтажа, во всем же остальном они «секретов» не раскрывают и предлагают верить им на слово! При этом руководство этой организации «не стеснясь» прямо указывает в своих ответах на адвокатские запросы, что методики судебных экспертиз – это сведения, составляющие государственную тайну! Выходит, что защищаться приходится как в одном известном фильме сниматься в кино – на таланте без сценария! Из всех организаций ФСБ, осуществляющих государственную судебно-экспертную деятельность, юр. лицом почему-то является только ФГУ «Пограничный научно-исследовательский центр», а остальные... не имеют ни юр. адреса и не доступны даже для DHL.

В результате не удивительно, что экспертиза часто становится инструментом воздействия, злоупотреблением, превышением должностных полномочий. Алгоритм тут таков: переписал оперативник с цифрового диктофона на компьютер, а затем на компакт-диск цифровой файл без использования современных методов создания образа файла и хэширования его содержимого, использовал при этом CD-RW... Далее следователь применил для прослушивания фонограммы программный звуковой редактор (который, что греха таить, может быть «не совсем» лицензионным!), «не заметил», например, как между первичной и дополнительной экспертизой изменились технические параметры файла (то есть файл явно подвергся редактированию), не говоря уже про то, что не усмотрел необходимости в проведении судебной экспертизы доказательства!

Что интересно, в Минюсте посчитали необходимым зарегистрировать собственный приказ, устанавливающий перечень видов (родов) экспертиз, проводящихся в собственных судебно-экспертных учреждениях, порядок аттестации экспертов на право самостоятельного проведения экспертиз, а вот для ФСБ почему-то сделали исключение!

При отсутствии такого юридического лица как Институт криминалистики ФСБ невозможно даже оспорить какие-либо действия его руководителя или эксперта в порядке, предусмотренном гражданско-процессуальным кодексом. Вот так и работаем, что называется «до первого милиционера»! До методик дело даже не доходит. Основные силы тратятся на обнаружение Института криминалистики и попытки «завязать» с ним переписку.

Проблема государственной судебно-экспертной деятельности и даже не отдельного её вида является ключевой. А ведь с терминами происходит тоже чехарда: в Минюсте судебная экспертиза, в МВД и др. – фоноскопическая, а в ФСБ – фонографическая, а в остальном мире судебная (одно из значений английского – forensic) экспертиза цифровых и иных доказательств.

Кто или что может изменить ситуацию? Полагаю, что согласна с коллегами и экспертами, что многое здесь зависит именно от воли президента и премьера.

В адвокатской практике приходилось сталкиваться с курьезными случаями. Один из моих подзащитных вынужден был обратиться в Комиссию Общественной палаты по общественному контролю за деятельностью и реформированием правоохранительных органов и судебно-правовой системы с просьбой рассмотреть вопрос о возможности подготовки заключения о соответствии закону практики проведения фонографических

экспертиз в одном из судебно-экспертных учреждений ФСБ России. В ответ он получил письмо от руководителя отдела по работе с обращениями граждан о том, что оказывается, у членов Комиссии нет необходимой профессиональной компетенции для подготовки указанного заключения. Та же ситуация наблюдается и в парламенте. Руководители профильных комитетов Госдумы, бегут от рассмотрения проблем государственной судебно-экспертной деятельности и повышения качества следствия как «чёрт от ладана»! К сожалению, власть устраивает ситуация, когда всё можно «решить» волевым усилием без рассмотрения объективной стороны проблемы. При таких обстоятельствах ожидать каких-либо конструктивных шагов в ближайшее время не приходится.

Анастасия Семикаленова, *судебный эксперт, преподаватель кафедры судебных экспертиз Московской государственной юридической академии; в области судебной компьютерно-технической экспертизы работает более 10 лет:*

«Зачастую предоставить в суд оригинал не представляется возможным, поскольку запись речи производится либо на портативные диктофоны, либо на диктофоны мобильных телефонов, с которых, после снятия копии, она стирается. Проблема достоверности в таких случаях может решаться еще на стадии переноса материала на внешний носитель (например, CD или DVD), когда ее осуществляют во время проведения следственных действий, что фиксируется в протоколе. В результате, поскольку не известен источник происхождения записи, отсюда и могут возникать дальнейшие сложности.

Экспертиза либо проводится «честно», на основании обоснованных и проверенных научных данных, с соблюдением всех принципов судебной экспертизы (одним из которых является повторяемость проведенного исследования), либо нет. В большинстве случаев грань проводят органы, осуществляющие оценку полученных результатов, принимая, либо не принимая экспертное заключение в качестве доказательства.

На сегодняшний день Государственная экспертная деятельность регламентирована в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» 31.01.2001 №73-ФЗ. Однако частные вопросы применимости тех или иных экспертных методик до сих пор не нашли законной регламентации. Над этим вопросом сегодня работает Межведомственный комитет по судебно-экспертной деятельности, куда входят главы экспертных подразделений Российской Федерации, в том числе и Руководство Института криминалистики ФСБ. Реформа экспертных служб, которая будет учитывать стремительный переход криминалистически значимой информации на цифровые технологии, необходима. Нужны разработки новых и стандартизации уже применяемых экспертных методик. И что важно - желательно на базе единой экспертной службы.

Экспертная группа «Новой газеты»

Автор: Артур Скальский © Новая газета РАССЛЕДОВАНИЯ, РОССИЯ 👁 9182 05.07.2010, 13:10 ↻ 479
URL: <https://babr24.com/?ADE=86981> Bytes: 44390 / 44147 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

эл.почта: kraasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)